

щего, естественно, восставал против нового учения, несообразного с его родом мыслей.

Философия XVIII века была материальная, и потому ее влияние на историю имело вредное последствие¹³. Кондильяк, комментатор Локка, доведший его учение до крайней односторонности, принимает разум за *tabula rasa*, на которой опыт пишет начертания. Значит, разум сам в себе ничего не значит и есть только хранилище впечатлений, Кондильяк также мало постиг и всю духовную сторону человека. Для объяснения его духовной деятельности, говорит он, сделаем статую, одушевим ее и тогда увидим, какие первые мысли рождаются в ней вследствие впечатлений. Значит, человек сам по себе не имеет содержания, а он только, подобно градуснику, совершенно механически означал бы степень и свойство впечатления. Если придавать человеку так мало абсолютного содержания, то история необходимо должна быть пуста. Тогда родились две формы истории: 1) история всемирная (воззрение эмпирическое); 2) история образованности — *Culturgeschichte* (воззрение философское).

Первый опыт так называемой *Culturgeschichte* был сделан швейцарцем Изелином¹⁴; он говорит, что не станет заниматься ни войнами, ни другими внешними переворотами, до тех пор входившими в историю, а только цивилизацией. Но как мог ученик Кондильяка понять сущность цивилизации, когда он не видит в человеке самобытной внутренней деятельности, когда он смотрит на него как на существо, способное только получать извне впечатления. И в самом деле, этот материализм отразился и в его истории — она состоит только из исчисления всех изобретений человеческих, расположенных в хронологическом порядке. Значит, образованность понята им во столько, во сколько она выразилась им извне. Спрашивается: исчерпано ли этим хоть поверхностное значение слова цивилизация? Виден ли во всем этом человек исторически развивающийся?

Также односторонне, хотя в другом отношении, было и другое историческое воззрение, требовавшее истории всемирной. Здесь всемирную историю не должно смешивать с всеобщей историей. Первая, т. е. всемирная, история требует количества фактов; чем больше фактов, чем больше народов входят в ее состав, тем цель ее лучше достигнута; вторая, т. е. всеобщая, обращает главное внимание на качество фактов, и потому она не без разбора их принимает. Конечно, это воззрение на историю всемирную имело в себе что-то гуманное; оно давало равную цену истории «мелких африканских племен» и истории римлян; но нельзя не видеть в этих понятиях об истории чего-то близорукого, обличающего совершенное непонимание истории! Между этими двумя школами, выше сказанными, происходила борьба; они отзывались друг о друге с презрением: одну обличали в мечтательности, другую — в сухости и неумении ценить факты. Но ни та, ни другая не шли по должному направлению.